

УТРОМ, чтобы проснуться, включаешь «Маяк». «Мы, молодые, вихрастые! Наши стремления — ясные!» — певец старательно воссоздает интонации человека, очень воодушевленного собственным совершенством. Самодовольство не входит в число добродетелей, но песни, подобные этой, звучат в эфире. Потому что формально затрагивают важную тему. Потому что бодрят, маршеобразны и должны, по-видимому, хорошо взбадривать проснувшихся поутру людей.

...Кружатся диски. С пластинки поет ВИА «Красные маки»:

«...И рассказываю вам о солдатах интересных и ансамблях разных стран... Часто в нашу дискотеку ходит девушка одна. Мне, скажу вам по секрету, очень нравится она...»

Песня звенит пустотой. Слова отскакивают от сознания. Можно только присоединиться к мнению молодого читателя «ЛГ» А. Клокова, который в своем письме характеризует песни на слова И. Кохановского, составившие пластинку, как суррогат.

Сборник песен на стихи В. Бурягина прислала в редакцию П. Тимофеева из Куйбышева. Уровень осмысленности этих песен вполне выражают строки: «Переборчик с перерывом, я страдаю с перерывом». Или еще: «Ох ты, Ваня, Ваня, Ваня, скажу тебе тайно: если любишь, приходи ко мне не случайно».

Не буду абсолютизировать не в каждой песне слову — первенство. Это материя особая. Нельзя судить только по тексту, ибо песня — прежде всего произведение музыкальное. Исполнять обязанности текста может и немудреная шутка, и озорная игра слов, и «ай-люли», и фонетическая импровизация «свингующих» певиц джаза. В репертуаре «Бони М» есть песня, текст которой состоит из названий месяцев: январь, февраль — и так до конца года. И. о. текста — но хоть откровенный, ни на что не претендующий. Наслаждайтесь ритмом, словно говорят нам, текст неважен.

Что ж, всему свой час. Но тогда уж пусть слово не претендует на многозначительность, не режет слух носозычищем, не тщится изобразить содержание, которого нет.

...И все же время меняет облик эстрады и массовых музыкальных форм. Чем дальше, тем внимательнее мы слушаем в песне слово. Разумеется, это началось не вчера. У нас не было бы «Марша веселых ребят», если бы не Лебедев-Кумач. Не было бы «Одинокой гармонии» без Исаковского. Не было бы прекрасной песенной лирики без поэтов, которых песня сделала классиками.

Массовая песня всегда тянулась к хорошей поэзии, музыка сливалась со словом в нерасторжимое целое. Так было, так есть.

Но музыка чаще всего держит устойчивое первенство. Она первой нередко и рождалась. «Так будь здорова, товарищ корова!» — на этот текст создавался «Марш веселых ребят». Мелодия обнаружилась в иной глубине, потребовала иных слов, и тогда родилось: «И тот, кто с песней по жизни шагает...». «Синий платочек» был сначала шлягером заезжего джаза — мелодия долго ждала «своего» текста, пока не встретилась с ним, уже в годы войны.

Песенник не спутаешь с поэтическим сборником. Не оттого, что качество поэзии другое — мы ведь знаем высокие образцы. Это просто разные жанры. Сам круг поэтических «ампула» тут традиционно уже. Сложные поэтические образы, субъективные авторские переживания тут словно бы не к месту. Простота — здесь принцип.

Но время идет, меняется слушатель, растет круг его интересов. Текстовые примитивы, еще вчера уживавшиеся в мире массовой песни рядом с явлениями истинной поэзии, встречаются все реже. И сколько бы они ни тщились быть «массовыми», массами не поются.

Зато серьезная поэзия с ее развитой образностью и обилием жанров становится все

нужнее популярной песне. Все чаще в поисках текста композиторы обращаются к книжной полке.

Мир современной эстрадной песни раздвинулся: рядом с традиционными ее формами возникло новое для эстрады явление. Оно включило в себя опыт «бардов» — поэтов по преимуществу, обогатилось сегодняшними поисками. Это не простое улучшение текстов. Это во многом обновление всей системы отношений музы-

данственности и сразу став одной из самых любимых.

Песенная поэзия оказала мощное влияние на всю музыкальную эстраду. Петь песенки, пресные и по тексту, и по ритму, стало неинтересно. Хотя они не ушли с эстрады, совсем нет. Но одновременно, рядом существовало другое.

Существовал Таривердиев с его зонгами, столь же рационалистичными, сколь эмоциональными. Сразу же узнаваемыми по почерку, по близости мелодий, по настойчивым повторам музыкальных и смысловых фраз. В повторах чудилась сверхзадача — достучаться до слушательского сознания. Песню нужно было не только слышать — ее надо было слышать. Понимать смысл.

В песню пришла большая поэзия: Шекспир, Петрарка, Ахматова, Цветаева. Группа Стаса Намина поет Пушкина, Кирсанова, Киплинга, Тухманов

к яркой эстрадности. Рядом ведь существуют Эдита Пьеха, Эдуард Хиль, Иосиф Кобзон, Лев Лещенко — певцы высокой культуры и профессионализма, представители доброй традиционной эстрады... Отличные исполнители.

Пугачева же — это попытка создать единый лирический мир, который от песни к песне, от программы к программе — в развитии. Певица непривычно открыта публике. Мера открытости ее настроений вновь для традиционной эстрады, хоть и обычно для эстрады импровизационной, джаза.

Это уже не воспринимаешь как исполнение. Пугачева словно авторизует все, что поет. Все так или иначе выражает ее личность. На ее концертах мы попадаем под обаяние индивидуальности, которая не хочет тушеваться, уходит в тень. Пугачева не считает нужным оставлять за кулисами свое настроение, как это веками делали актеры. Обманчивой легкости творчества тут нет и быть не должно — ощущение работы, труда, мучительного свершения, самоотдачи.

Слово здесь не менее важно, чем музыка. Оно принимает столь же активное участие в выражении личности. Певица явственно ищет свою поэтическую тему, стремится пропустить ее через себя.

Здесь еще одно объяснение ее непривычной откровенности. Какой поэт оставит личное за порогом рукописи? У этой тенденции на эстраде есть свои издержки — не всегда личность оказывается равновеликой лирическому дару. Вот и Пугачевой подчас изменяет чувство меры. Можно спорить о результате. Но — помня о том, что перед нами не интерпретация. Перед нами авторское, самостоятельное творчество.

Так, «Песни военных лет» Людмилы Гурченко на ТВ стали гораздо большим, чем просто концерт. Песни словно преломлялись в личной судьбе актрисы, в памяти ее военного детства. Передача стала поэтическим воспоминанием о времени и о себе.

Авторское начало вносит поправки и в облик популярного на эстраде 70—80-х годов явления — так называемых групп. Сдержанным успехом пользуются очень многие группы, работающие, как встарь, «номерами». Зато сколько споров по поводу «Машины времени» и песен Андрея Макаревича, которые составляют ее репертуар!

Эта даровитая группа, выросшая из школьного ансамбля, еще в пути, еще есть резервы для творческого роста. Упрекают ансамбль, однако, менее всего в недостатках мастерства — сценического и музыкального. Суть спора опять-таки в разных взглядах на право современной песни быть содержательной, многожанровой, быть поэзией в полном смысле слова.

Сам поэтический уровень песен «Машины времени» неровен. Есть удачи, есть вещи, сделанные хуже, — как везде, как у всех. Но есть и другое — то, что выделяет эти песни и эту группу из числа ей подобных: проблемность, конфликтность, содержательность, стремление к более широкому спектру поэтических средств выражения. Как и в выступлениях Пугачевой, как и в телеобзоре Гурченко, лирическая тема здесь не замыкается в рамках отдельного номера. И песни в концерте — как главы в книге — связаны в некое единство.

Если искать в песнях Макаревича привычные простые тематические решения — тут же возникнут недоразумения. И они возникли. Но в том-то и дело, что мера обобщения тут совсем иная.

В песнях таких живет более развитая образная система, чем это было принято в популярной, «массовой» песенной продукции. «Машина времени» опять-таки вступила тут на территорию поэзии — личностное, авторское начало и здесь главенствует. Ее песни предлагают молодым слушателям подумать о том, отчего мы подчас становимся замкнуты и неприступны, отчего изменяем дружбе, почему боимся рисковать и любим протоптанные тропинки. Отдельная песня не всегда несет в себе сугубо «поэтический» об-

раз, но он рождается из концерта в целом. Песни заставляют нас требовательнее вглядываться в себя. Есть в репертуаре «Машины» песни-плакаты и песни-размышления, песни-исповеди и песни-фельетоны, есть сатирические зарисовки, лирические признания, пародии... Все это разнообразие и составляет концерт-спектакль, тема которого формируется в сумме наших музыкально-поэтических впечатлений.

Право, в иных популярных песнях мы чаще довольствуемся куда более скучным содержанием. Здесь же — меткость наблюдений, желание что-то изменить в жизни песни, яростное неприятие пассивности, обывательщины. Все это заставляет слушать осмысленно. Не оттого ли популярности? И премия Союза журналистов Грузии за лучшие песенные тексты на Всесоюзном фестивале «Тбилиси-80»?

Мир сегодняшней песенной эстрады многолик. Я написал далеко не обо всех даже самых интересных ее явлениях. Написал — о самых спорных. О тех тенденциях, которые выслушиваются трудно, рождая и надежды, и сомнения.

Но тенденцию не могут перечеркнуть частные неудачи.

Случается на эстраде и легкое, не вызванное внутренней необходимостью обращение к поэтической классике. Иногда мода на «философские» зонги оборачивается псевдофилософичностью, размытостью мысли, подделкой под содержательность. Есть другая беда: когда форсированная громкость «групп» мешает слушать текст, торжествует гипноз ритма, все возвращается «на круги своя». Так что и группам важно осознавать новизну и ответственность затеянного.

Верно и то, что Шекспир в ритмах «диско» оказывается упрощенным. Но ведь и балет, обращаясь к шекспировским сюжетам, берет то, что способен выразить в танце. Перевод на язык другого искусства сопряжен с потерями всегда, но, не компрометируя и не пытаясь заменить собой первоисточник, он обогащает это другое искусство, помогает ему выйти к новым, содержательным глубинам. Хотя, разумеется, не всякое чувство и не всякую мысль выразишь бойким «диско» — это надо понимать, чтобы избежать вивисекции, насилия над поэзией.

У советской песни славные традиции. Они освящены именами ее классиков — Дунаевского, Новикова, Соловьева-Седого, прекрасных поэтов-песенников 30-х годов. Ими созданное всегда с нами, прочно вошло в нашу духовную жизнь. Но традиции живы только в развитии. В этом смысле несомненно правомерность появления новых ритмов и музыкальных форм, новых взаимоотношений песни с поэтическим текстом. Вспомним: эстрада знавала и «борьбу» с фокстротом и танго, и «борьбу» с джазом, сурово упрекали оркестр Утесова — было и так. Сегодня это кажется нелепым. Новые ритмы, беспрерывно вырабатываемые веком, сами по себе не плохи и не хороши. Они новы, тем привлекательны, и надо уметь видеть их потенциальные возможности. В том числе и возможности их соединения с серьезным содержанием.

Так что не будем пугать себя жулом «диско», «групп» или ВИА. Будем думать о том, что из этого нового опыта массовых музыкальных песенных форм окажется жизнеспособными, какие тенденции — идейно и творчески — оправданными.

Сближение с литературой, использование ее завоеваний и ее методов всегда в конечном итоге плодотворно. И если такая потребность возникла у жанров, которые не без снисходительности именуются «развлекательными», — в этом, мне думается, можно видеть серьезную потребность времени.

В РЕДАКЦИЮ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

Приношу глубокую и сердечную благодарность всем друзьям, товарищам, отдельным лицам и организациям, поздравившим меня с семидесятипятилетием.

Александр ШТЕЙН

ОБ ЭТОМ СПОРЯТ: «ЖАНРЫ» ПЕСЕННОГО ЖАНРА

В. КИЧИН

ШЕКСПИР В РИТМАХ ДИСКО

Коллаж В. СКРЫЛЕВА

ки и слова на эстраде. Привычные мерки тут не всегда пригодны.

В творчестве Булата Окуджавы, Владимира Высоцкого, Новеллы Матвеевой, Никитиных, Елены Камбуровой, Александра Дольского нам явился гораздо более широкий спектр песенных жанров — от исповедального до фельетонного. Мы не отдаем здесь на волю диктуемого мелодией настроения — следим за мыслью и чувством, выраженными прежде всего средствами поэтическими и поддержанными музыкой.

Поэт может быть субъективной «песенника». Он не просто отражает наш мир, но в чем-то заново его для нас открывает и приносит нам свой. Этим и интересен. И мы уже не воспринимаем такие песни в отрыве от автора, его личности, его судьбы.

Когда личность и судьба оказываются неотторжими от судьбы миллионов — рождаются песни по-настоящему массовые. Так родилась песня Окуджавы из фильма «Белорусский вокзал», очень ярко воплотив в себе важнейшее качество песенной поэзии — ее граж-

написал цикл, куда вошли песни на стихи Гёте, вагантов... С песней сотрудничают Вознесенский, Евтушенко, Ахмадулина, Рождественский...

Здесь не только лирика — ее и раньше использовали романы. Пошла поэзия сложная, проблемная, философская.

Шекспир в ритмах «диско»... Что это — «все смешалось в доме Облонских», и надо быть тревогу? Или развлечение наше становится более интеллектуальным и требовательным, не мыслит себя в координах «делу время, потехе час», содержательность не почитает фантоном утомляющим?

Другое дело, что рецидивы бездумности дают себя знать, когда под Шекспира пытаются танцевать в дискотеках. Танцевать действительно уместнее под «январь, февраль...» Просто — не нужно путать. Нагружать то, что не выдерживает нагрузки. Облегчать то, что рождалось от живой мысли.

ТЯГА к контактам с поэзией ныне часто осуществляется в формах массового интереса к таким эстрадным авторам-исполнителям, как Алла Пугачева, группа «Машина времени». Думаю, что здесь не простое стремле-